

...Феде Тютчеву – 12 лет. Набирает силу зима: завтра – последний день декабря, и мальчик смеет поразмышлять в стихотворении «На новый 1816 год» об ушедшем в историю годе 1815-м:

Как капля в океане, он в вечность
погрузился...

О Время! Вечности подвижное зеркало, –
Всё рушится, падёт под дланию твоей...
Сокрыт перёд твой и начало
От слабых смертного очей!..

Пустынный ветер свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вокруг развалин Илиона
Колучи терны обвились!..

...Гавриилу Державину 14 июля 1816 года исполнилось 73 года. Через неделю, 20 июля, он покинет этот бранный мир, но за три дня до кончины, 17 июля, Гавриил Романович поднимется с предсмертного ложа и на грифельной доске, что стоит в кабинете его усадьбы на берегу Волхова в новгородском селе Званка, начертает мелом:

Река времён в своём стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы...

Разница в возрасте у Державина и Тютчева – 60 лет; у первого – житейский опыт

плюс мудрость и взятые за годы постижения истин бытия мэтром самые высокие в российской словесности вершины; у другого – проба-демонстрация первых навыков литературного труда да удивительный для двенадцатилетнего отрока по своей философии взгляд на «Вечности подвижное зеркало», но – сколь же жирна линия общего знаменателя русской поэзии, которая враз объединила абсолютно лично не знакомых стихотворцев: мальчишечку, с трепетом держащего в троеперстии гусиное пёрышко, и старца, отставного юстиц-министра, мечтавшего «не утонуть в пропасти забвенья», но всё-таки за три дня до смерти выведшего нетвёрдой дланью: «...жерлом пожрётся / И общей не уйдёт судьбы...»

Пушкин, ироничный юный гений, великодушно в своём выпускном лицейском произведении признал: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил».

Благословителем же Тютчева в начале его литературного пути стал Василий Андреевич Жуковский, однако согласимся: заочная державинская цельность диалектичного восприятия мира, однажды поселившись в поэтическом естестве Фёдора Ивановича, выстояла на протяжении всей его противоречивой, любовями пропитанной судьбы, выстояла и вылилась в такие строки, которые позволяют и сегодня, в XXI компьютерном веке, говорить о непревзойдённом уровне лиризма Тютчева, лиризма по-русски:

Я знал её ещё тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И всё ещё была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь её тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

1861 г.

А теперь – о *незабвенном* Жуковском.

28 октября 1817 года Василий Андреевич запишет в дневнике: «Обедал у Тютчева (речь о главе семейства, Иване Николаевиче, имевшем чин надворного советника и служившем смотрителем «Экспедиции Кремлёвского строения» – В.К.). Вечер дома. Счастье не цель жизни...»

Жуковский на тот литературный момент – первый поэт России: Державина уже нет, Пушкин пока ещё в учениках у Василия Андреевича, так что услышанное 14-летним Фёдей за уроком-трапезой от мэтра «Счастье не цель жизни» он запомнит до конца дней своих. Более чем через двадцать лет, находясь вдали от России, дипломат (это его и профессия, и политическое призвание) Фёдор Иванович, борясь с последствиями тяжелейшей потери – утраты жены, напишет Жуковскому, приехавшему на Аппенины: «Вы недаром для меня перешли Альпы. Вы принесли с собою, то что после Неё (речь об Элеоноре Фёдоровне, первой супруге, матери трёх их детей – В.К.) я более всего любил в мире: Отечество и поэзию... Не вы ли сказали где-то: в жизни много прекрасного и кроме *счастья*. В этом слове есть целая религия, целое откровение...»

17 апреля 1818 года Иван Николаевич привёл Фёдора в Кремль (здесь в Чудовом монастыре была московская квартира Жу-

ковского) на утреннюю встречу с главным поэтом державы. Через 55 (пятьдесят пять!) лет, день в день – 17 апреля 1873 г. – Тютчев, уже наполовину парализованный, напишет стихотворение «17 апреля 1818 года»:

На первой днй моих заре
То было рано поутру, в Кремле,
То было в Чудовом монастыре.
Я в келье был, и тихой и смиренной,
Там жил тогда Жуковский незабвенный.
Я ждал его, и в ожиданье
Кремлёвских колоколов я слушал завыванье.
Следил за медной бурей,
Поднявшейся в безоблачной лазуре...

.....
Хоругвью светозарно-голубой
Весенний первый день лазурно-золотой
Так и пылал над праздничной Москвой!..

.....
С тех пор воспоминанье это
В душе моей согрето
Так благодатно и так мило –
В течение стольких лет не изменяло,
Меня всю жизнь так верно провожало...

Да, с точки зрения стиховедческой, этот текст к классическому, конечно же, не отнесёшь, но с точки зрения биографической, с точки зрения колыхающего волнами душу Тютчева всю оставшуюся жизнь отсчёта от момента её потрясения, апрельское утро «осьмнадцатого» из XIX века года (нынче дате – целых двести лет!) видишь в этих строках одно из самых основополагающих событий в биографии, поскольку юноша особым своим – тютчевским – чутьём понял, угадал, увидел в *незабвенном* Жуковском не столько автора стихов, сколько личность, несущую в себе самый дух поэзии.

На дворе русской поэзии наступала эпоха Пушкина, погружённого в заботы о «могуществе и разнообразии слога», который ляжет в основу современного русского языка. Тютчев же с самого начала сознательной

жизни весь нацелен, устремлён к собственнодоуховным исканиям. Как утверждает в своей книге «Тютчев» («Роман-газета» №2, 1994 г.) крупнейший советский литературовед – «шестидесятник» Вадим Кожинов: «В нём назревала новая стадия развития русской поэзии. И в то же время, если бы не совершил свой творческий подвиг Пушкин, эта стадия попросту не осуществилась бы, не стала реальностью. Тютчев оказался бы преждевременной, не могущей развернуться завязью. Таким образом, дело не в том, что Тютчев «обогнал» Пушкина, но в том, что именно такой человек, как Тютчев, мог и должен был стать поэтом следующей – послепушкинской – стадии развития. Среди сверстников Тютчева было немало людей, которые шли шаг в шаг следом за Пушкиным. Но не они, а другие люди составили ядро нового поколения русской поэзии и культуры. И Тютчев уже к семнадцати годам соприкоснулся с этими людьми, вошёл в духовную атмосферу нового поколения».

В декабре 1821 года Тютчев был выпущен со степенью кандидата (в восемнадцать-то лет!) из Московского университета, а 21 февраля уже 1822 года он был зачислен на службу в Государственную коллегию иностранных дел с присвоением чина губернского секретаря. Находясь в Петербурге под покровительством троюродного дяди Александра Остермана-Толстого, генерала, однорукого героя войны с Наполеоном, юный чиновник уже через три месяца получил назначение в русское посольство в Баварию и 11 июня отбыл в Мюнхен.

Тютчев будет вне России целых 22 года. Но – не без России! Вторая его жена, Эрнестина Фёдоровна, напишет через много лет своему брату: «Мой муж не может больше жить вне России; величайший интерес его ума и величайшая страсть его души – это следить день за днём, как развёртывается духовная работа на его родине, и эта работа действительно такова, что может поглотить всецело внимание горячего

патриота. Я даже не знаю, согласится ли он когда-нибудь совершить кратковременное путешествие за границу, настолько тяжёлое у него осталось воспоминание о последнем пребывании вне России, так сильна была у него тоска по родине...»

Сам Фёдор Иванович 7 декабря 1844 года, т.е. едва обжившись в Петербурге после возвращения из-за рубежья, пишет родителям о том, что никак не может насытиться русской жизнью: русской речью, общением, дискуссиями: «Я редко возвращаюсь домой ранее двух часов утра и, однако, до сих пор был только один бал; по большей части это просто вечера, посвящённые беседе».

Да, перед большинством собеседников Тютчев предстал как человек, диалоги с которым в течение многих лет восхищали изощрённых мыслителей и политиков Запада; в городе на Неве Фёдор Иванович, по мнению исследователей его творчества Н.В. Королёвой и И.С. Аксакова, тоже затмил всех глубокомысленных и остроумных людей петербургского света. Вот что говорит о блестящем Фёдоре Тютчеве известный писатель того времени Владимир Сологуб:

«Много мне случалось на моём веку разговаривать и слушать знаменитых рассказчиков, но ни один из них не производил на меня такого чарующего впечатления, как Тютчев. Остроумные, нежные, колкие, добрые слова, точно жемчуга, небрежно скатывались с его уст... Когда он начинал говорить, рассказывать, все мгновенно умолкали, и во всей комнате только и слышался голос Тютчева... Главной прелестью Тютчева... было то, что... не было ничего приготовленного, выученного, придуманного».

Ф.И. Тютчев служит в Министерстве иностранных дел, сначала в звании камергера, затем – в качестве чиновника особых поручений VI класса при государственном канцлере, что позволяет блистать ему не только в петербургских салонах, а, прежде всего,

активно участвовать во внешнеполитических делах. В 1844–1850 годах он публикует за границей серию глубоких по содержанию и по публицистической обнажённости статей, которые вызвали в Европе чрезвычайно сильный резонанс. Современный английский исследователь русской литературы Рональд Лэйн выявил около полусотни откликов на тютчевские статьи в немецкой, французской, бельгийской, итальянской печати, в том числе отклики в виде... книг! Подчеркнём, что полемика вокруг публикаций продолжалась около тридцати лет.

В статьях Фёдора Ивановича, главная тема которых – «Россия и Запад», речь идёт прежде всего о том, что Россия, освободившая тридцать лет назад Европу от наполеоновского господства, подвергается ныне постоянным враждебным нападкам в европейской же печати. В результате, пишет Тютчев, ту державу, которую «поколение 1813 года приветствовало с благородным восторгом... удалось с помощью припева, постоянно повторяемого нынешнему поколению при его рождении, почти удалось, говоря я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию как на какого-то людоеда XIX века». (Удивимся и согласимся: сколь актуально утверждение дипломата, историка и поэта сегодня, когда на Россию спускают санкции, извращают значение её победоносной роли во Второй мировой войне, пробуют провоцировать шпионскими скандалами! – В.К.).

Статьи Тютчева были проникнуты пророческим предчувствием войны Запада против России, которая (Крымская – В.К.) разразится через десять лет. А ещё – чувством историзма, которое у Фёдора Ивановича было таким же острым, как и чувство слова.

Тютчев писал: «Истинный защитник России – это история: ею в течение трёх столетий

неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу...» К слову, в поэзии Тютчева тема истории – одна из главных. Вспомним стихотворения «Олегов щит», «Неман», «Могила Наполеона», «Два голоса», «Чёрное море»...

Опираясь на православную этику, отвергающую ненавистный ему индивидуализм, Фёдор Иванович говорил, что Россия – прежде всего христианская Держава. Что же касается власти, то по Тютчеву – «власть в России на деле безбожна». Может быть, в результате таковых размышлений и вывел великий лирик философско-поэтическую формулу:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить!

В творческой душе Тютчева всегда шла борьба за первенство между политикой, историей и поэзией. Поэзия стала выпукло лидировать только с 1849 года, когда он написал сразу 12 произведений, в 1850 году – 19. Если учесть, что с 1840 по 1848 год Фёдор Иванович «выдал» всего восемь стихотворений, то можно говорить о нарастающей мощности света звезды, звезды по имени Тютчев, звезды мировой литературы!

Свой поэтический кодекс Тютчев начертает в 1850 году, так и назвав его – «Поэзия»:

Средь громов, средь огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре, –
Она с небес слетает к нам
Небесная – к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бунтующее море
Льёт примирительный елей.

Однако шедевр «Гроза дорогой...» с любимыми словами, взятыми из лексики «гроз-

но-громового» концепта, Тютчев создаст по пути в ожидающий его Овстуг 6 июня 1849 года.

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу! за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.
Ветра тёплого порывы –
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой...

Овстуг в самой середине XIX века для Фёдора Ивановича – лаборатория, поэтические опыты в которой принесут ему блестящие результаты. Например:

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звёзды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...

Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убелённые луной.

В любовном взгляде на природу Фёдора Тютчева внимательный читатель вдруг обнаружит «розы огневые» зародившейся любви к загадочной Елене Денисьевой:

Под дыханьем непогоды,
Вздвухшись, потемнели воды
И подёрнулись свинцом –
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые
И уносит их поток...
Над волной тёмно-лазурной
Вечер пламенный и бурный,
Обрывает свой веноч...

Вновь ощутить себя поэтом Тютчеву, как в юности Жуковский, а ещё – преподавателем Московского университета магистр Раич и профессор Мерзляков (автор слов песни «Среди долины ровныя» – В.К.), в середине XIX века помогали Чаадаев, Вяземский, И.С. Аксаков и, конечно же, Некрасов, возглавлявший с 1847 по 1866 год авторитетный журнал «Современник».

Николай Алексеевич в первом номере этого издания за 1850 год опубликовал свою восторженную статью о тютчевских стихотворениях, которые почти полтора десятилетия назад были напечатаны ещё в пушкинском «Современнике». «Прицепом» к статье (или статья была «прицепом» к стихам?!) Некрасов привёл 24 произведения Тютчева. И это была не механическая перепечатка пушкинской публикации стихов Тютчева, поскольку и тогда было напечатано тоже 24 стихотворения. Однако 29-летний и в будущем знаменитый поэт Некрасов обладал ещё и редакторским талантом: Николай Алексеевич проштудировал все тома «Современника» за 1836–1840 годы, ведь после гибели Пушкина в разных книжках журнала было опубликовано ещё 15 стихотворений – и отобрал из 39 выявленных 24 наиболее замечательных творения поэта!

Статья Некрасова оказалась стратегической – она провозгласила начало новой поэтической эпохи или, вернее, отчётливое предчувствие этого начала. Аналитичная работа с плодородным пластом тютчевских стихов оказала на Николая Алексеевича вдохновляющее значение, а тут в печати появились ещё и те стихи Фёдора Ивановича, посвящённые его новой любви – Елене Денисьевой, – и Некрасов погрузился в работу теперь уже над своей первой серьёзной книгой, которая и будет издана в 1856 году. Однако, готовя свой сборник, Николай Алексеевич реализовал ещё одну идею из той программной статьи о Тютчеве – выпустил в свет в 1854 году его книгу «Стихотворения».

А подготовку к печати «Стихотворений» осуществил соратник Некрасова Иван Тургенев, ставший посредником между поэтами.

Воздействие монолита тютчевских стихов, собранных под одной обложкой, стало на читающую Россию не разовым, а долговременным, к тому же – исключительно мощным и многовекторным. Книга Тютчева определила направления и характер вдохновения целой группы поэтов старшего поколения, которых, по мнению Вадима Кожинова, уместно называть не иначе как «тютчевской плеядой». Речь идёт о поэтах Хомякове, Шевирёве, Фёдоре Глинке, Вяземском, Бенедиктове и некоторых других, книги которых (в большинстве случаев – первые книги, хотя их авторы начали свой творческий путь достаточно давно) вышли вслед за тютчевской, во второй половине 50-х – 60-х годов и вместе с ней стали панорамным явлением в русской поэзии.

Первостепенную роль книга «Стихотворения» Фёдора Тютчева сыграла и в окончательном становлении поэтов младшего поколения, вступивших в литературу в неблагоприятные для поэзии 40-е годы, – Некрасова, Фета, Полонского, Майкова, Алексея Толстого...

Тютчевская поэзия кардинально повлияла и на развитие литературы в целом, т.е. и на прозу, на её определяющий жанр – роман, о чём есть многочисленные свидетельства классиков, прежде всего Толстого и Достоевского. Лев Николаевич, например, сначала воскликнет: «Когда я прочёл Тютчева, то просто обмер от величины его творческого таланта!»

А через несколько десятилетий весомо заявит литературной общественности:

– Тютчев, как лирик, несравненно глубже Пушкина.

Итак, 1854 год следует считать стартовым годом наступления новой поэтической эпохи. Эпохи Фёдора Тютчева, произведения которого, появившиеся в периодической печати и в дальнейшем, и его вторая книга

(у гениального лирика при жизни их вышло всего две) вошли в плоть и кровь русской литературы, устремляя её ввысь, побуждая её к проникновенному и целостному видению и воплощению человека и природы, России и мира.

1854 год биографы поэта считают годом, когда установилось некоторое равновесие между теми двумя разными жизнями, которыми одновременно живёт Фёдор Тютчев. Речь идёт о юридической преданности Эрнестине Фёдоровне, второй своей жене, которая в основном живёт в брянском имении, и о роковой любви к Елене Александровне Денисьевой (1826–1864), которая родила ему 20 мая 1851 года дочь, тоже названную Еленой. Появление дочери соединило возлюбленных нерасторжимой связью. А ещё эта любовь подарила литературе «Денисьевский цикл» – цикл стихотворений, составивший вершину интимной лирики поэта. Напомню (для настоящих любителей русской классики этого достаточно) названия тютчевских шедевров в хронологическом порядке их написания:

«Пошли, Господь, свою отраду...»;
«И опять звезда играет...»;
«Как ни дышит полдень знойный...»;
«Под дыханьем непогоды»;
«Не говори: меня он, как и прежде, любит»;
«Не раз ты слышала признание...»;
«О, как убийственно мы любим!»;
«Сияют солнце, воды блещут...»;
«О вещая душа моя!»;
«Весь день она лежала в забытьи...»;
«Когда нет Божьего согласия...»;
«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»;
«Нет дня, чтобы душа не ныла...».

Здесь, завершая эссе, можно бы и точку поставить, однако позволю всё-таки процитировать «Не раз ты слышала признание...»

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай моё оно создание –
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе –
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Неволью клонишь ты колено
Пред колыбелью дорогой,

Где спит она – твоё рождение –
Твой безымянный херувим, –
Пойми ж и ты моё смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851 г.

Уверен, что *Ты* в этом произведении для Ф.И. Тютчева не только Елена Денисьева, подарившая ему дочку, «безыменного херувима», но и Эрнестина, мать их троих детей, тайно многие годы понимающая положение влюблённого Поэта. Тем более, Фёдор все годы брака, независимо и от других своих романов, до самой кончины объяснялся ей в любви в письмах-откровениях, которых он сотворил около семисот! (Сравните с «Денисьевским циклом», где всего-то полтора десятка стихотворений. Но – тончайших, суперлиричных!) В каждом – строки и образы, образцы искреннего восхищения порядочностью и преданностью Эрнестины, суть которых: «Ах, насколько ты лучше меня,

насколько выше! Сколько выдержанности, сколько серьёзности в твоей любви – и каким мелким, каким жалким я чувствую себя сравнительно с тобою...» (Из письма от 21 августа 1851 года). Звучит это самозабвенное и в последнем катрене приведённого выше произведения:

Перед любовь твою
Мне больно вспомнить о себе –
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

А мы поклоняемся поэтическому гению Тютчева. Думаю, что наше поклонение «старик Державин» бы одобрил.

Резюме Евгения Евтушенко, посвящённое Поэту:

.....

Он служил только собственной
испепеляющей страсти
к власти слова,
которой нет царственной в мире.
Беззащитнее Бога он был
и мудрее науки,
а внутри прорастало
всех ангелов пение хоровое,
и на страшной такой высоте
замерзали Денисьевой руки
в облаках седины
над его ледяной обжигающей
головой.